

Гришуня — заядлый охотник. Он только что вернулся с работы. Старенькая, замасленная фуфайка, подпоясанная длинным двухцветным шарфом, почти дважды обернута вокруг его маленького, худенького, как у мальчика, тела. Большие стоптанные кирзовые сапоги, скорее, управляют Гришуней, нежели он ими... Старая матерчатая шапка-ушанка лихо заломлена на затылок. Из-под нее выбиваются огненно-рыжие, давно не стриженные волосы. Все лицо его и руки щедро усыпаны разнокалиберными веснушками. И лишь голубовато-серые глаза, как два глубоких озера, поблескивают из-под золотистых бровей озорно и весело.

Еще накануне нарубил Гришуня тальника и теперь, мурлыча какую-то песенку, поправляет на огороде пошатнувшийся плетень.

— Ой, держите ее! Вот проклятущая! Да что же это делается, а?! — Мимо Гришуня, тяжело дыша, пробегает его жена. — А ты, рыжая bestия, чего стоишь? — набросилась она на Гришуню. — Али не видишь, что лиса курицу потащила?!

Бросив топор, Гришуня мигом побежал в дом, схватил со стены ружье, свистнул собаке, и уже через полминуты старенькая его шапка-ушанка мелькала в дальнем кустарнике.

Солнце клонилось к горизонту. Сухой морозный воздух обжигал легкие, под ногами звонко хрустел осенний ледок. Гришуня то и дело цеплялся своими непомерно большими сапогами за пни и кочки, колющий терновник в кровь ободрал ему лицо и руки. Далеко впереди яростно лаяла его Найда, и поэтому Гришуня бежал напролом.

Но вот в звонком, заливиستم лае появились растерянные нотки, переходящие в поскуливание. Собака сбилась со следа.

Наконец-то Гришуня выбрался из зарослей на простор. Первое, что он увидел на той стороне оврага — молча мечущуюся между кустами Найду и далеко впереди — рыжую воровку с курицей в зубах. Он инстинктивно вскинул ружье, не надеясь совершенно, что попадет, даже на то, что хватит убойной силы, выстрелил. Лиса метнулась в куст. Но дальше побежала, припадая на правую переднюю ногу.

— Теперь не уйдет! — радостно заорал Гришуня. И бросился к лисьей норе, которая находилась в вершине оврага. Он бежал наперерез зверю.

Мысленно прикинув, откуда должна появиться лиса, стал ждать в засаде. В лучах заходящего солнца червонным золотом отливал мех зверя. Причем, все это заметил он гораздо позже, чем пришла к норе лиса. Она зашла с другой стороны. Но все же он ее заметил. Близко, совсем близко сидела лиса, зализывая рану. Отсюда не попасть было нельзя. Гришуня нажал курок. И раздался... сухой щелчок. Осечка. Лиса опротясь кинулась в сторону и скрылась в норе.

Гришуня бросился следом за нею. Худосочное, щуплое его тело проскользнуло в нору так, что снаружи остались торчать только непомерные сапоги. Сплошная темень окутала его, в нос ударил резкий запас псины. Стало трудно дышать.

Он торопливо рванулся взад-вперед. Но безуспешно. Тогда он закричал. Он кричал не по-человечески дико, обливаясь холодным потом, оглушая себя собственным криком.

Найда, обнюхав сапоги, стала рыть лапами землю. Промерзшая после прошедших дождей земля не поддавалась. Когти только оставляли царапины на утопанной у норы почве. Тогда Найда села, подняв к небу голову. Тоскливый, ледянящий душу вой разнесся окрест.

Два мужика, возвращаясь с охоты, остановились, прислушались, сговариваясь, пошли туда, откуда неся собачий плач. Так и обнаружили Гришуню. С огромным трудом им удалось вытащить его из норы. Полузадохнувшийся, исцарапанный, перепачканный землей, он, словно выброшенная на берег рыба, широко открытым ртом хватал чистый воздух и никак не мог надышаться.

Пожав мужикам руки, Гришуня процедил: «Ушла, мерзавка! Если б не застрял, я б ее голыми руками взял». Спасители иронично кивали ему в ответ.

ЖЕСТОКОСТЬ

Степан — бобыль, единственная радость для него на всем белом свете — вороной красавец с белой звездочкой на лбу по кличке «Орлик». Из маленького беспомощного жеребенка вырастил его Степан, приучил к седлу, научил нехитрым приемам пастьбы большого колхозного стада коров, и Орлик стал хорошим помощником Степану.

Пригнав стадо на пастбище, Степан вынимает железный мундштук изо рта лошади, привязывает поводья к седлу и отпускает своего любим-

ца папастись. А сам садится в тени, расстилает на траве чистый носовой платок, выкладывает на него прихваченный из дома завтрак и неторопливо начинает есть.

Тонкими, чуткими ноздрями Орлик улавливает запах хлеба, тихонько подходит, трогает мягкими, бархатными губами Степаново ухо. «Ну что, Орлик, опять пришел хлеб просить? — оборачивается Степан к коню. — Его ведь заработать надо. Видишь, вон Лысуня опять к свекле пошла. Ты поучил бы ее немножко, совсем от стада отбилась».

Орлик поднимает голову, внимательно осматривается вокруг, словно пушечная стрела, срывается с места, распутив по ветру хвост, и стремительно мчится вокруг стада. Тонкие, словно выточенные, ноги в белых носочках легко несут упругое тело коня. Черная блестящая шерсть сверкает, переливается на солнце.

Степан невольно любит конем. Заезавшаяся буренка стремглав бросается в середину стада, спасаясь от крепких зубов лошади, и долго потом не решается выйти на свекольное поле, так манящее сочной зеленью ботвы.

Позвякивая стремянами, Орлик подходит к Степану. «На вот, милый, теперь ты честно заработал свой хлеб», — Степан протягивает на ладони посыпанную солью корочку хлеба.

* * *

Однажды темной августовской ночью Орлик вновь почувствовал запах хлеба. Кто-то, почти невидимый в темноте, осторожно подходил нему и со словами «Кось, кось» протягивал ему хлеб. Голос был незнакомый. Так Орлика никто никогда не называл. Местные мальчишки, иногда прибегавшие к Степану покататься на коне, отлично знали его имя.

Орлик недоверчиво попятился назад. «Кось, кось, кось», — голос ласковый, успокаивающий. Орлик делает еще несколько шагов назад, но как дразняще пахнет хлеб! Орлик осторожно протягивает голову, расширившимися ноздрями втягивает дурманящий запах свежего хлеба. Забыв об осторожности, делает шаг вперед. Цепкие руки хватают его за уздечку. Орлик делает резкий прыжок в сторону, но не тут-то было. Сильные руки удерживают его, тянут за собой. На него быстро набрасывают седло, наскоро затягивают подпруги и узду.

Еще несколько секунд, и он уже скачет по мягкой полевой дороге. Копыта почти беззвучно шлепают по дорожной пыли. Метров через сто к ним присоединяются еще три всадника. Запах незнакомых лошадей будоражит коня, он пытается заржать, но резкий рывок поводьями заставляет его замолкнуть.

Крупные мыльные хлопья покрывают бока и шею Орлика, падают, срываясь, на дорогу. Орлик устал.

Лошади, бежавшие впереди, видимо, были свежими, но и от них уже давно тянуло крепким соленым потом. Часто отфыркиваясь, Орлик постепенно стал отставать. Попав в высохшую промоину на дороге, Орлик споткнулся, резко наклонился к земле. Незадачливый наездник кувырком полетел через голову лошади на землю.

Ехавшие впереди, осадив лошадей, развернулись назад. «Ну и кляча у тебя, Серега! — слышался ломающийся басок одного из наездников. — А еще говорил, что этому коню цены нет. Да он копейки не стоит в базарный день».

Поднявшийся с земли, прихрамывая, подошел к коню, сердито пнул его носком в живот: «У, гад!»

Опустив голову, Орлик безучастно стоит на дороге. Он тяжело дышит. Взмокшие бока покрылись серой дорожной пылью. Шерсть слиплась. Орлик не может стать на поврежденную ногу и потому держит ее на весу.

Не обращая на коня никакого внимания, Серега снова садится в седло. «Но, пошел! — Орлик не трогается с места. — Но, кляча!» Сильный удар заставляет коня рвануться с места, но, так и не сумев стать на больную ногу, он резко припадает корпусом к земле. От неожиданности Серега второй раз летит кувырком на землю. Другие всадники хохочут. Серега вскакивает, хватая попавшуюся под руку суковатую палку, и страшной силы удары обрушиваются на бока, шею и голову беззащитной лошади.

Закрыв глаза, прижав уши, Орлик пятится от своего мучителя, но тот крепко держит его за поводья. Наконец, устав, он бросает на землю обломок палки, плотно прикручивает Орлика к стоявшему неподалеку дереву, садится к одному из своих друзей сзади на лошадь: «Поехали!». И они уезжают.

Ночь близится к рассвету. Немного посвежело. Легкий предутренний ветерок пробежал по траве, пошумел в листьях дерева, шевельнул мокрую гриву лошади. Взошло солнце, и с его восходом усилились мучения Орлика. Его давно уже мучили голод и жажда. Плотно прикрученный к дереву, он стоял на трех ногах, не имея возможности переменить положение. Шерсть высохла, превратившись в грязные сосульки, сбившееся набок седло открыло раны на спине, к которым припали назойливые мухи.

Нещадно палило поднявшееся в зенит солнце, и чтобы как-то утолить голод и жажду, Орлик стал грызть дерево, к которому был привязан. Так прошли сутки, вторые, третьи... Только на пятый день, после длительных поисков, отыскал его Степан. Страшно исхудавший — кожа да кости — Орлик почти висел на обгрызенном дереве. Степан едва узнал своего любимца. «Орлик, хороший мой! Ты ли это?! Да кто же это тебя так? Да за что же мука тебе такая?»

Дрожащими от волнения руками Степан пытается развязать затянувшийся повод, но это ему не удается. «Сейчас, Орлик, сейчас! Потерпи еще немного», — Степан вынимает из кармана нож, обрезает повод, и обессиленный Орлик тут же ложится на землю. Степан достает из кармана завернутую в газету припасенную корочку хлеба, посыпанную крупной серой солью, и протягивает лошади: «Ешь, Орлик!» Вздохнув, Орлик равнодушно отворачивается от угощения.

«Изверги! Да что же они с тобой сделали! Орлик, миленький!..» — приговаривает Степан, держа в дрожащей протянутой руке корочку хлеба. Слезы катятся по пыльным щекам Степана, падают на морду лошади. Степан их не замечает. И Орлик не чувствует...